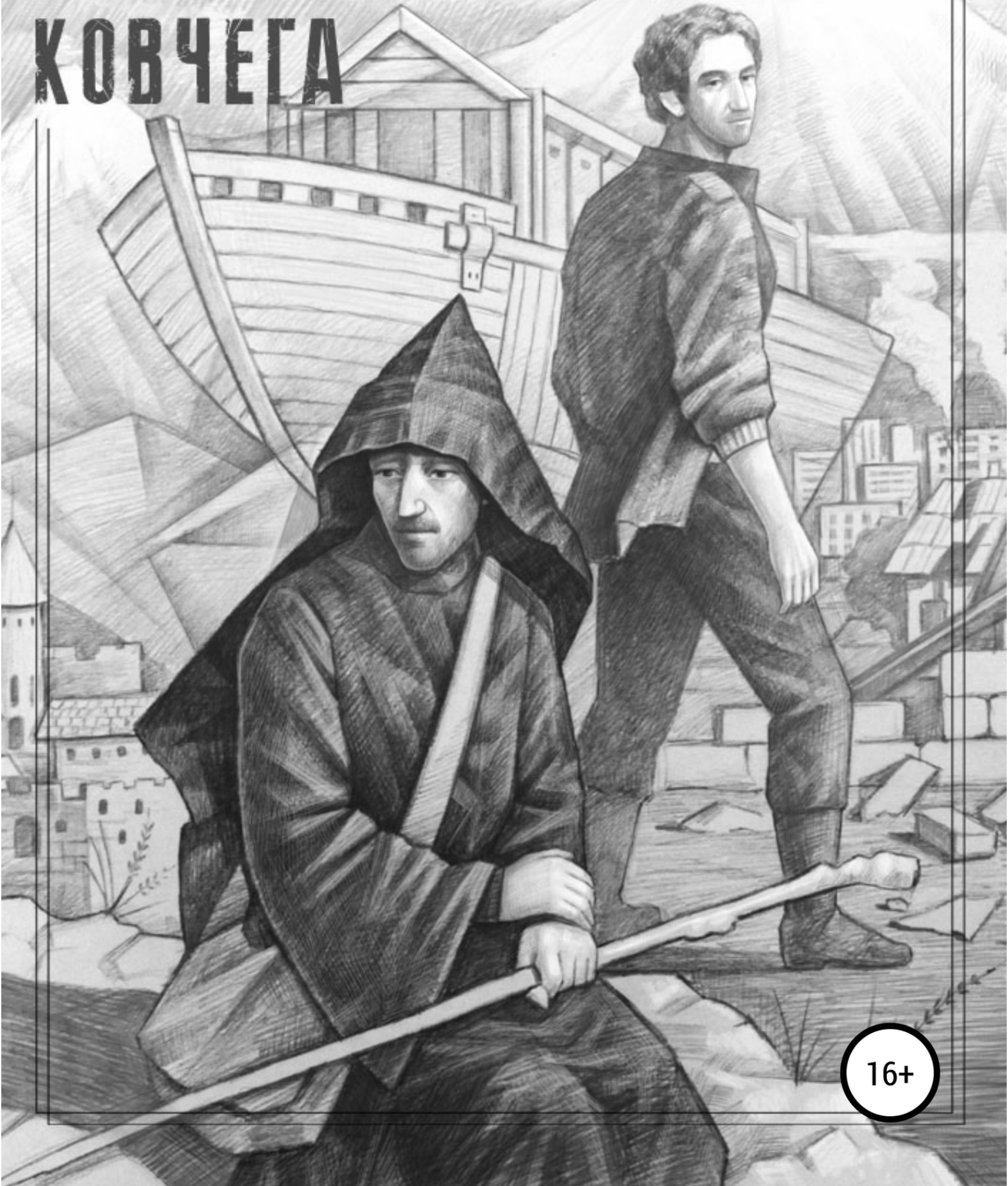

Наталья Росина

В ПОИСКАХ СВОЕГО КОВЧЕГА

16+

Наталья Росина
В поисках своего ковчега

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Росина Н.

В поисках своего ковчега / Н. Росина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Для каждого человека где-то на земле существует свой спасительный ковчег. То место, куда он устремляется всеми своими помыслами и чувствами в поисках спасения и наивысшего блага. Для древнего монаха из армянского монастыря, отправившегося на поиски Ноева ковчега, — это избавление от ненавистного ига чужеземцев, желавших обратить армянский народ в свою веру. Свой ковчег ищут и современные герои, ставшие заложниками братоубийственной войны. За рукопись автор была удостоена Гран-при на Международном конкурсе Литературной Ассамблеи "Хранители наследия в действии".

– *Господи, дай мне доказательства того,
что ты есть, и тогда я истинно уверю в Тебя.*
– *А нужна ли мне такая вера?*

Глава 1. БЕГЛЫЙ МОНАХ

На самом краю обрывистой скалы, окруженный только облаками и горными пиками Зангезурского хребта, могучей громадой возвышался монастырь. Безмолвный, словно повисший над бездною, он выглядел кораблем-призраком на фоне бледного предзвездного неба. Скала вознесла его столь высоко, что раскинувшееся внизу ущелье казалось бездонным и недостижимым, а он сам – затерявшимся среди волнистых гребней гор.

Еще только начинался апрель, но лесистые склоны уже успели покрыться густой зеленью. Здесь, на юге Армении, весна наступала со середины февраля и большую часть года держалась теплая солнечная погода. Над неприступными крепостными стенами поднимались базилики церквей, высеченных из базальта и розовато-серого туфа. В самом центре высилась церковь святых Погоса и Петроса, имевшая две ризницы и большой молельный зал. К южной ее стене примыкала церковь святого Григора, она была чуть поменьше, но тоже с довольно просторной молельней и полукруглым алтарем. Еще одна, совсем маленькая церковка, выстроенная над усыпальницами под самыми монастырскими стенами, служила исповедальной, но заодно использовалась и как сторожевая башня. Из ее окон, выходящих на северо-восток, хорошо просматривалась окружающая местность и пролегавшая по самому краю ущелья дорога. Вокруг центральных построек располагалась часть монашеских келий и трапезная с кухней, здесь же были и покои настоятеля. Остальные жилища монахов вместе со служебными помещениями находились в южной части подворья.

Ранним весенним утром рыжеголовый долговязый монах Ананий, путаясь в рясе и спотыкаясь, пересек монастырский двор и несмело постучался в покои настоятеля.

– Беда, владыка, беда...

Преподобный Кикос высунул в приоткрытую дверь косматую голову и покрасневшими от бессонницы глазами посмотрел на испуганного монаха.

– Что такое?

– Сбежал! Анафема!

– Кто сбежал? Говори яснее. – Архимандрит недовольно сдвинул густые, и без того сердито сросшиеся на переносице брови.

– Смиранный инок... не явился ко второй заутренней... к нему послали... думали, что захворал... а его и след простыл, – от волнения чернец не назвал имя беглеца. – Вчера после повечерия я сам запираю ворота, все братья уже почивали, и он тоже...

– Да кто же он? – Рыкнул настоятель, и его обросшее густой бородой лицо стало неумолимо суровым, отчего монах вовсе утратил способность к членораздельной речи. От испуга он несколько раз громко икнул.

– Кто? Я тебя спрашиваю!

– Вахак, – выдохнул монах, страхась еще большего гнева владыки. Его застывшие как у стрекозы глаза, не мигая, смотрели на архимандрита.

– Чего стоишь как истукан? – Подавляя неудовольствие, архимандрит хотел ободрить монаха, но тот втянул голову в плечи и более не мог говорить. Осмыслив, что обстоятельной беседы не получится и от остолебеневшего чернеца больше ничего не донять, настоятель жестом велел тому удалиться.

– Ступай и скажи, пусть братию собирают.

Монах приложился к руке владыки и, пятясь назад, быстро закрестился.

– Ступай... ступай. – Нетерпеливо замахал на него настоятель.

Большой монастырский колокол забил тревогу. Его низкий и могучий звон разносился над долинами и ущельями, слышась далеко за пределами монастыря. Чернорясные фигуры длинной чередой потянулись к храму. Около полусотни монахов, скрестив на груди руки, шли на покаяние. Каждый из них знал, что нынче из-за беглеца ужесточат наказания за прегрешения...

А в это время по узкой извилистой дороге, прилепившейся наперекор природе к громадным отвесным скалам, брел отшельник. Черный островерхий куколь, покрывающий голову и плечи, полностью скрывал лицо путника, подпоясанная вервием груботканая ряса защищала его тщедушное тело и от жары, и от холода, а легкие войлочные сандалии и тощая шерстяная сумка не отягощали ходьбы. Двигался монах со стороны Зангезура к юго-западу, звали его Вахаком и помыслы он имел самые, что ни на есть, высокие.

Многие годы прожил Вахак за крепкими монастырскими стенами, находя утешение в постах и молитвах, и, возможно, завершил бы свой земной путь в пещерах отшельников, схоронивших кости не одного праведника, но возымел он желание не только духом, а и делом послужить Господу своему. Не мог монах спокойно совершать молитву, когда басурманское племя всячески глумилось над верою христианскою.

Шел 1640 год. Армения, зажата со всех сторон магометанами, стонала под гнетом иноверных. На востоке хозяйничали персы, на западе – османы. Вволю навоевавшись друг с другом, Турция и Персия поделили между собой армянские земли, подвергая гонениям народ, исповедующий христианство. Господство иноверных приносило одни беды армянам, не желавшим даже под натиском верной смерти обращаться в веру магометанскую. Мыслимо ли было народу, которому Господь даровал священную тайну Арарата, поклоняться иному Богу!

Тринадцатилетним отроком отдали Вахака, тогда еще Жирайра, на послушание к гневливому и жестокосердному старцу Гургену, дабы многими унижениями излечить упрямую душу. Рано осиротев, он почти не помнил ни матери своей, ни отца. Погибли родители Жирайра от рук то ли османов, то ли персов, которые без конца враждуя между собой, избрали полем брани армянские земли, грабя и убивая заодно и ненавистных им христиан.

Случилось это в тот самый год, когда персидский шах Аббас, захватив Тавриз, подчинил своей власти и город, и все окрестные гавары. Изгнанные тогда из Тавриза османские войска пришли в Нахичевань, с тем чтобы дочиста разграбить ее, ничего не оставив грядущим следом персам, потому как знали они, что персидский шах имеет интерес к этой богатой на всякое добро земле. Многие же жители Нахичевани, услышав о надвигающихся из Тавриза османах, покинули свои дома с унынием в сердце и, прихватив с собой все, что можно было унести, удалились в горы. Недолго бесчинствовали османы на землях нахичеванских, уж очень боялись они прихода персов, а потому поторопились уйти в город Ереван, спрятавшись от Аббаса за высокими крепостными стенами. Пришедший шах безо всяких усилий завладел Нахичеванью и, пробыв там несколько дней, двинулся со своим многочисленным войском вслед за османами. Осадив ереванскую крепость, обосновался Аббас в ее окрестностях и, грабя окольные города и гавары, силой сгонял отовсюду в свое войско христиан, прозванных райятами, дабы в бою выставлять их живым щитом под огонь и меч османский. В одном из таких сражений и погиб отец Жирайра, насильно пригнанный персами под стены Еревана. И не известно было: то ли османский меч спереди, то ли персидский сзади сразил его. Мать же, как и других молодых женщин, увели в плен и со всем скарбом отдали в стан врага для удовлетворения и насыщения рати персидской. Семилетнего Жирайра спрятала у себя старуха, жившая на самом отшибе села, ее убогое жилище персы обошли стороной.

Через год старуха померла, и чтобы не пропасть сироте, добрые люди определили Жирайра учеником к гончару. Однако нехитрое ремесло вовсе его не привлекало, и он целыми днями пропадал в горах, кормясь земляными червями и разными кореньями, или прибивался к пастухам. Охотники часто находили сироту в лесных чащах и возвращали домой. Пять лет

промаялся с Жирайром горшечный мастер, пока не иссякла его христианская добродетель. Уж никак не мог он совладать с упрямым мальчишкой, не хотел тот учиться ремеслу, а кормить бездельника – и без того голодных ртов хватало. Как-то услышал гончар от людей, что в окрестностях реки Воротан есть монашеская обитель, и живет там старец Гурген, славящийся своей суровостью. Недолго думая, свел к нему ремесленник строптивного отрока.

Семь лет жил Жирайр у гневливого старца, и ни одного дня не обходилось без побоев и досаждений. То вздумается Гургену приказать послушнику наносить воды с родника в шкурённом мешке, в котором нарочно проколоты дырки. Тот носит-носит – и все без толку, а вечером задерет старец ему подрясник, да так окрестит розгами за непослушание, что потом долго нельзя присесть. А бывало, не велит Гурген послушнику отворять уста целый день, а сам все время к тому подстрекает: то змею подкинёт, то бросит за воротник пчелу, то больно уколет чем-нибудь острым. И опять послушавшегося грешника розгами лечит. Так и привык Жирайр к побоям и оскорблениям, искренне веря в то, что только бесконечным страданием спасет душу от гиены огненной.

Через семь лет призвал Господь к себе старца, а Жирайр, на то время уже нареченный Дереником, теперь по своему рассуждению принял постриг и стал зваться Вахаком. Укрылся монах от суеты и злобы людской, надеясь обрести беспристрастие, а за ним и спасительное бесстрашие. И не хотел он более иметь доверенности к своему сердцу и своей воле, ибо, как говорил ему не раз старец, «кто не имеет ничего своего, для того все происходящее становится своим».

Однако чем усерднее был Вахак в своем молитвословии, тем все больше казалось ему, что не достоин он небесных сокровищ, нескончаемой жизни и блаженства вечного, ибо недостаточно хорошо послужил Богу. Виделось ему, что должен он делами проявить любовь к Господу своему, а заодно сделать доброе дело и для братьев по вере. И вот однажды услышал он от паломников о большом деревянном корабле-ковчеге, который якобы видели пастухи на самом высоком склоне горы Арарат. Не было никакого сомнения в том, что это тот самый священный ковчег, на котором спасся от всемирного потопа второй прародитель всего человечества – праведный Ной. Паломники рассказывали, что будто бы гору ту и ковчег охраняют ангелы, и якобы в один из дней он явится миру, как спасение, как доказательство истинности веры и Библии.

«И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских», – повторял по памяти Вахак строки из Бытия. «Вот ежели бы отыскать этот таинственный корабль, – представлял он себе, – затрепетали бы тогда басурмане, и увидели бы они, что Арарат – истинная гора ковчега».

Долгими бессонными ночами эта мысль не давала иноку покоя, в своем праведном простодушии верил Вахак в то, что если бы открылась сия тайна, то отступили бы басурмане и положен был бы конец всяким бесчинствам и преследованиям. Когда он думал об этом в непроглядной тьме, его сердце билось так сильно, что, казалось, этот стук слышат даже глухие стены кельи. И только, когда Вахак вспоминал о том, что обязался перед Богом не иметь ни на что своей воли, сердце останавливалось и замирало в страхе клятвopеступления. Из мрака возникало суровое лицо старца Гургена. «Отсеки волю свою и твори волю настоятеля твоего», – слышал он его гневный голос. «Отсекаю... отсекаю... отсекаю», – иступленно шептал потрескавшимися губами испуганный инок.

Но вдруг лицо старца вытягивалось вширь, странно изгибалось, и Вахак теперь видел перед собой очертания заветного корабля, который становился все явственнее. И вот уже ковчег во всей своей величественной красе снова качался на волнах его воображения. Теперь он был почти уверен в том, что мысль отыскать таинственный корабль, безусловно, ниспосылалась ему свыше. Монах боялся только одного: а что если кто другой опередит его и тем самым послужит Богу вместо него. Он долго молился в темноте, в последний раз призывая Господа

образумить своего безрассудного раба, а на рассвете, положив в сумку молитвенник, можжевельниковые четки и охотничий нож, перекрестился и тайно покинул монастырь...

К полудню беглец окольными тропами добрался до Воротанской долины. Спускаясь по крутому склону, он уже видел восточную ее часть, опоясанную вулканическими конусами Варденисского хребта, как вдруг налетел сильный ветер и, закрутив облака, погнал их прямо на него. Половина неба еще светлела, но со стороны Сюникского нагорья надвигалась гроза. В то время, как Вахак приближался к ущелью реки Воротан, закапал дождь. Обрушившийся ураган с треском крушил кроны деревьев, расшвыривая сломленные ветки в разные стороны. Тьма заволокла долину. Оглушительные раскаты грома, сотрясавшие вершины Сюникских гор, теперь уже раздавались совсем близко. Молнии одна за другой металась по темно-фиолетовому небу. Когда Вахак, торопившийся где-то спрятаться от грозы, вышел на тропу, которая должна была его привести к заброшенным пещерам пустынников, дождь полил сильнее, а потом его накрыло ливнем. Холодные струи больно хлестали по лицу и плечам путника, а прилипшая к телу одежда лишь только усиливала эти удары. Он еще надеялся, что сможет укрыться в неглубокой расщелине у подножья склона. Но все тропы моментально превратились в ручьи, их русла быстро заполнялись водой и бурные потоки устремлялись вниз к реке. Вахак почувствовал, что его сносит этими потоками. Размокшие и ставшие свинцовыми войлочные сандалии скользили по глинистому откосу, увлекая его за собой. Он пытался ухватиться за мокрую траву, но и она была скользкой. Ему никак не удавалось удержаться, и он все сползал и сползал вниз. Вахак уже слышал недовольное рычание встревоженной бурей реки и отчаянно цеплялся ногтями за глиняную жижу, но она легко проскальзывала сквозь пальцы. Резким порывом ветра его окончательно сбilo с ног, и несчастный покотился вниз, туда, где бушевали воды Воротана.

Очутившись в реке, Вахак отчаянно забил руками по воде, пытаясь сопротивляться клочущему потоку, однако силы были неравными, и его стремительно понесло вниз по течению. Он продолжал барахтаться, то с головой уходя под воду, то снова выныривая на поверхность. Совсем обессиливший, он уже не мог противиться грозной реке, как вдруг что-то больно толкнуло его в бок. Это было вывороченное с корнями дерево. Вахак ухватился за него и поплыл вместе с ним, надеясь, что где-нибудь их прибьет к берегу. Слева и справа от себя он видел вздыбившиеся громадные скалы, над которыми все еще бесновались молнии. Вахаку казалось, что он уже много времени провел в ледяной воде, его суставы пронзала нестерпимая боль. Дождь немного поутих, и река, как будто бы, стала спокойнее. Скальные исполины, сжимавшие ее в своих тисках, наконец, отступили и выпустили русло на равнину. У Вахака появилась слабая надежда на спасение, но коварная река снова зарокотала, шум клочущей воды нарастал, и он с ужасом понял значение этих устрашающих звуков. Монах возвел глаза к грозовому небу, но только и успел прошептать: «Господи, спаси». Темная бурлящая вода закрутила его в своем водовороте, засасывая в черную глубь. Он больше ничего не видел, не слышал и не ощущал. Тьма сомкнулась над ним.

На следующее утро после грозы старик Арам спустился в долину. За ним, весело виляя хвостом, бежал рыжий пес Амо. На минуту старик остановился и снизу поглядел на своих овец, мирно пасшихся на поросшем сочной зеленью склоне. Не замечая хозяина, они спокойно жевали траву, поднимаясь цепочкой все выше по откосу и обратив свои головы к гребню горы. «Сегодня будет хорошая погода, – подумал Арам, – овцы спокойны». По их поведению он всегда угадывал, каким будет день. Вчера они держались кучкой ближе к долине, и старик знал, что к вечеру пойдет дождь. Однако он надеялся, что успеет отогнать овец до дождя, но гроза разразилась неожиданно быстро, и до смерти напуганные овцы гурьбой металась со стороны в сторону, не слушая пастуха. Ему еле-еле удалось привести свое маленькое стадо домой, однако двух овечек, всегда державшихся в стороне от других, он не досчитался и теперь спускался в долину в надежде их отыскать.

Лицо Арама, покрытое седой щетиной, было мрачным. Он уже обошел все ведомые ему расщелины, но нигде пропавших овец не обнаружил и хотел, было, возвращаться назад, как вдруг беспечно семенивший рядом пес громко залаял и побежал к каньону реки, словно почуял чужака.

– Амо, назад! – Приказал хозяин.

Однако Амо его не слышал и быстро несся вниз к реке, старик Арам, прихрамывая на правую ногу, едва поспевал за ним следом. У самой воды пес остановился и, повернув голову в сторону хозяина, жалобно заскулил.

– Что там, Амо? – Крикнул старик.

На берегу лицом вниз лежал человек, его длинные черные волосы разметались по камням, напоминая вороньи перья. Старик Арам опустился на колени перед распростертым телом и осторожно перевернул его на спину. Худое узкое лицо незнакомца с глубоко запавшими глазами было мертвенно-бледным, плотно сжатые полосы губ казались совсем бескровными. По клочкам мокрой одежды, прилипшей к костистому телу, Арам определил, что несчастный был монахом. Он приложил ухо к впавшей груди незнакомца и прислушался. Нет, не дышит. Старик поднялся на ноги и позвал к себе пса.

– Пойдем, Амо. Нужно похоронить.

Пес еще раз подбежал к неподвижному телу, потыкался в него носом и, вильнув хвостом, последовал за хозяином.

Совсем скоро старик снова спустился к реке. Он решил перенести монаха на заброшенное деревенское кладбище и там захоронить. В разоренной османами деревне не осталось никого, кроме Арама. Ее жители один за другим покинули родные земли и разбрелись по всему миру, ища спасения от произвола басурманского. Обрато так никто и не возвратился. Арам взвалил на плечо бездыханное тело и, тяжело ступая, направился к деревне. Ширококостный и мускулистый, он был еще довольно крепок, несмотря на свой немолодой возраст. Выкопав неглубокую могилу, старик Арам присел на землю рядом с телом монаха, отхлебнул из баклаги небольшой глоток вина и заговорил, глядя куда-то за вершины гор.

– Прости, сынок, не знаю я молитв, чтобы за твою душу помолиться. Да Господь тебя и без них примет. Ты ведь праведником жил. Мой Сако одних с тобой годов был. Где он теперь? Жив ли? Схоронен ли где или коршуны клюют его мертвое тело?

Монах напомнил старику его сына. С горечью вспомнил старый Арам, как шел его Сако между двух вооруженных всадников, а за ним – целый отряд янычар. Они громко веселились, радуясь удачному походу, а их мешки распирало от награбленного добра. Сако оглянулся на отца с матерью, и янычар с обезображенным шрамами лицом стеганул его плетью по спине. Ничего не мог поделать бедный Арам, боясь навлечь еще большую беду на сына. Он только стоял и смотрел вслед басурманам, снова принесшим смерть и горе в деревню. А над долиной, зачувя легкую добычу, уже кружились голодные коршуны. Один за другим они спускались на землю, и, шумно хлопая крыльями, делили кровавую поживу. От этих воспоминаний крупная слеза покатила по обветренной щетинистой щеке старика. Арам, словно стыдясь своего горя, поспешно утер глаза и встал на ноги.

– Ну, хватит... пора.

Он поднял с земли легкое тело монаха, и его взгляд невольно упал на лицо несчастного. Оно казалось совершенно безжизненным, но в уголках сомкнутых глаз блеснули две слезы. Странно. Никогда он еще не видел, чтобы покойник плакал. Приложив ухо к его груди, Арам уловил слабое неровное дыхание. Оно было еле слышным, но все-таки тот дышал.

Две ночи подряд старик Арам не отходил от постели больного. Монах продолжал лежать все так же неподвижно, но щеки его слегка порозовели, а дыхание стало более глубоким. Теперь он выглядел крепко спящим, и черты его заострившегося лица приобрели более мягкие контуры. Он был красив той чистой и спокойной красотой, которая присуща лишь неискушен-

ным мирской суетой праведникам. Старик подолгу смотрел на умиротворенное лицо монаха и в его линиях искал схожесть со своим сыном.

Очнулся Вахак только на следующий день, на рассвете. Открыв глаза, он увидел над собой потолок из толстых бревен, поддерживаемый четырьмя столбами. В скупом свете раннего утра, пробивавшегося косою полоской через небольшое отверстие в потолке, убогое жилище с закопченными балками и стенами выглядело необитаемым и угрюмым. Вся мебель составляли лишь две покрытые овчиной деревянные скамьи, большой кованый сундук и почерневший от времени широкий дубовый стол. Дремавшая на полке домашняя утварь казалась нетронутой. В углу на куче овечьих шкур пылились старые жернова. И только тянувшаяся вверх от печи к отверстию в потолке слабая струйка желтоватого дыма, свидетельствовала о том, что жилище обитаемо. Вахак, не понимая, как он здесь оказался, лежал в тишине и ждал, не явится ли кто. Вскоре за дверью послышались тяжелые шаги, дверь отворилась, и появился старик с охажкой хвороста. Увидев, что больной пришел в себя, Арам не смог сдержать радости, и широкая улыбка осветила его скулистое, всегда угрюмое лицо.

– Ожил, слава Богу, – сказал он, сваливая хворост у двери, – а то я чуть было не похоронил тебя, отче.

Вахаку хотелось узнать все, что с ним произошло, однако он был очень слаб для того, чтобы спрашивать. Старик, словно поняв это, подошел к больному и, легонько похлопав его по плечу, дал понять, что тревожиться ему не о чем.

– Сейчас травок заварю... нужно силы возвратить, а уж вопросы все потом будут.

Он приготовил крепкий отвар из горных трав и, придерживая голову больного, заставил того сделать несколько глотков. Горьковатая ароматная жидкость разлилась приятным теплом по измученному телу Вахака, и он, бессильно откинув голову на подушку, погрузился в глубокий сон. А к вечеру у него обнаружился сильный жар. Больше недели находился монах между жизнью и смертью, и только на девятые сутки почувствовал, что недуг отступает.

Лежа на скамье, он смотрел через приоткрытую дверь лачуги на клонившееся к закату солнце и размышлял о том, было ли происшедшее с ним наказанием или испытанием божьим. И так славно было любоваться ярким маревом золотисто-красного заката, повисшим над грузными каменистыми великанами. А солнце все больше и больше опускалось за зубчатую линию гор, оставляя за собой в небе нежно-пурпурный след, и по мере того, как исчезали его последние лучи, древние исполины становились все могущественнее и величественнее, излучая холод времени.

Старик Арам пригнал с пастбища своих овец и теперь возился возле печи, готовя чечевичную похлебку.

– Отче, все вот хочу тебя спросить, – заговорил старик, – а Бог един?

– Един, конечно.

– И для христиан, и для магометан?

– Един. Всякий сын человеческий, кто бы он ни был, есть сын божий.

– Так почему ж они быются меж собой, если Бог-то един?

– Вся беда в том, что каждый разумеет Его по-своему. И нет ни единой правды, ни единой веры. Вот ежели все освободятся от пут своего тщеславия и поставят над собой властелином не свою религию, а своего любящего Отца, тогда и прекратится всякая вражда.

– Да как так может статься, что и магометанин и христианин одному Господу молиться будут?

– Может, отец, может. Когда-нибудь так и будет.

Монах закрыл глаза и в его воображении снова возник спасительный ковчег. Он представлял себе, как все – и христиане, и мусульмане, и язычники увидят священный корабль, и примут в своем сердце единого Бога – правителя всех миров и народов. Вот его дело, его путь,

к которому призывает его Господь! Эти мысли встревожили Вахака, и он подумал о том, что теперь, когда болезнь отступила, негоже находиться в постели.

– Отец, а где мое одеяние? Пора мне подниматься.

– Да слаб ты еще, – старик посмотрел на него с отцовской нежностью, – вылежаться бы тебе хоть пару днейков.

– Грех без дела-то залеживаться.

Старик подошел к своему сундуку, порылся в нем и извлек оттуда рубаху из серого полотна и грубошерстные синие шаровары. Постоял, подумал и достал еще овчинную безрукавку и войлочную шапку, когда-то принадлежавшую его Сако.

– На-ка надень вот это, а те лохмотья, что на тебе были, я сжег, – сказал старик, – никуда уже не годились. Да так оно и лучше будет. Спрашивали тебя, пока ты хворал.

– Кто спрашивал? – Насторожился монах.

– Так, наверное, ваши же, монастырские. Только я им ничего не сказал.

– Спасибо тебе, старик, что не выдал меня. Нельзя мне сейчас обратно в монастырь.

Когда исполню то, что должен исполнить, тогда и сам возвращусь, и повинюсь перед братьями, что ушел, не сказав ни слова. А пока и ты меня ни о чем не спрашивай. Все после узнаешь.

Вахак быстро поправлялся после болезни и уже стал понемногу выходить из жилища, а затем и совершать небольшие прогулки. Каждое утро на рассвете он спускался в долину, где воздух был легким и бодрящим. Очень часто он находил там старика, пасшего своих овец. Тогда они вдвоем садились на склоне и, размышляя каждый о чем-то своем, подолгу смотрели в ту сторону, откуда вставало солнце, окрашивая в алый цвет верхушки пробуждавшихся гор.

– Хорошо овцам, – сказал как-то старик в один из дней, когда они вот так же сидели на склоне, – их головы совершенно не забиты ни веселыми, ни печальными мыслями. Все что им надо, так это корм и ночлег. Но даже и об этом им не нужно беспокоиться, достаточно лишь довериться пастуху, который приведет их туда, где они смогут найти все необходимое. Мои овцы доверяют мне даже тогда, когда я режу одну из них, и перережь мне хоть половину своего стада, остальные – все равно будут следовать за мной.

– Да, отец, ты прав. Мы слишком много задаем ненужных вопросов вместо того, чтобы как овцы, следовать за своим Пастухом, который приведет нас туда, где будет все, что нам нужно. Слишком много времени и сил мы отдаем заботе о завтрашнем дне, хотя наверняка не уверены в том, наступит ли он для нас. А тем временем день сегодняшний остается незамеченным. Твои же овцы живут настоящим, и следующий день просто приходит и приносит все, что им необходимо.

К полудню, когда солнце поднималось высоко и палило нещадно, они перегоняли овец в долину поближе к воде, а сами укрывались от жары в зарослях барбариса. Старик доставал из котомки кусок овечьего сыра, сухую ломкую лепешку и баклагу с кислым молоком, раскладывал все это на траве и они ели. После обеда старый пастух обыкновенно ложился вздремнуть часок-другой, подложив под голову шапку. Его овцы тоже отдыхали, пережидая жару. А Вахак в это время предавался молитвам и размышлениям, спрятавшись в приглянувшейся ему пещере. Однажды, когда он как всегда молил Господа ниспослать ему свою милость, произошло нечто необыкновенное.

Пещера, которую облюбовал Вахак, представляла собой небольшое овальное отверстие в скале, от которого отходил еще один узкий ход, зажатым между огромных камней. Монах никогда не заглядывал в него. Но как-то раз во время молитвы он заметил рассеивающийся свет, который шел не снаружи пещеры, а откуда-то из глубины горы. Он словно манил и звал куда-то вглубь, и Вахак как замороженный двинулся в его сторону. Протиснувшись с трудом в расщелину, он оказался в пещере намного больше той, где совершал свои молитвы. Ее наполнял яркий свет, хотя нигде не было видно явного источника этого света, он буквально исходил отовсюду. На какое-то мгновение монаха ослепило, но вскоре его глаза привыкли к свету,

и он смог хорошо рассмотреть пещеру. Она была пустой, но ее гладкие стены сверху донизу исчерчены письменами на языке, которого Вахак не знал. Его взгляд привлек один-единственный рисунок, четко выделявшийся среди таинственных знаков. Это был ковчег! Все-таки он существует! И тот, кто оставил эти письма на поверняка отыскал его. Вахак затаил дыхание, словно опасаясь, что от легкого дуновения он может исчезнуть. Оторопевший монах осторожно прикоснулся к изображению, его ладонь ощутила шероховатые очертания рисунка. Он провел пальцем по глубоким бороздкам, повторяя движения руки, начертившей на стене ковчег. Кто его изобразил, думал Вахак. О, если бы он мог прочесть эти знаки! Возможно, что они бы о многом ему рассказали. Но письма молчали. Напрасно Вахак старался отыскать в них хоть какую-то подсказку. Несомненно, человек, оставивший эти надписи, постиг тайну священного корабля, но ему, Вахаку, предстояло самому отыскать путь к ковчегу.

– Пора мне уходить, – сообщил как-то вечером Вахак старику, – завтра на рассвете и двинусь.

Лицо старика омрачилось.

– Грустно мне это слышать, – сказал он, – привязался я к тебе, как к родному.

– Не печалься, старик, – постарался хоть как-то утешить его Вахак, – пути Господни неисповедимы, ты еще увидишь меня, и тогда я поведаю тебе о многом. А сейчас у тебя есть твои овцы. Они не только дают тебе шерсть и молоко, но и учат терпению и послушанию. Присмотрись к ним и следуй их примеру смиренности, ибо и сам Иисус смирил себя до того, что принял муки за грехи наши.

На следующее утро, положив в сумку хлебные лепешки, головку овечьего сыру и кувшин с вином, приготовленные для него стариком, Вахак, перекрестился, прошептав скороговоркой: «...Господи, исправь пути наши...», и, шурясь от восходившего яркого солнца, окинул тревожным взглядом окрестность. Наконец, определив направление, зашагал по каменистой дороге, уводившей далеко в горы. Старик с тоской смотрел ему вслед.

Оставим на какое-то время монаха в его времени и обратимся в час теперешний, поскольку и в наши дни отчаявшаяся человеческая душа мечется между небом и землей в поисках своего ковчега.

Глава 2. ДЕЗЕРТИР

На борту самолета после спешки и всех опасений, связанных с бегством и перелетом, Крон, наконец, чувствовал себя в безопасности. На удивление, все обошлось хорошо; он без особых трудностей пересек границу, и беспокоиться больше, казалось, не о чем. Но на душе у него было тяжело. Расстояние избавляет от обстоятельств, но не от мыслей. Они теперь были еще тягостнее, чем в тот день, когда он принял решение покинуть свою страну. Тогда им руководило только одно – бежать, куда глаза глядят, бежать без оглядки, порвать со всем тем, что не принимало его сознание, с чем не могла смириться его совесть. Теперь же примешивались и другие чувства. До сих пор он не отдавал себе ясного отчета в случившемся, но теперь, когда опасность миновала, он остро ощущал неопределенность своего положения. Больше всего угнетало то, что он сам позволил загнать себя в такую ситуацию, из которой не было другого выхода, как только бегство.

Авиалайнер лег на крыло, и в какой-то момент Крону показалось, что они падают вниз, но самолет сделал крутой поворот и снова выровнялся. Он расслабился в кресле, продолжая в который раз прокручивать в голове недавние события, ставшие для него фатальными.

Тот день, о котором вспоминал Крон, как и предыдущие дни, был наполнен лишь смутным ожиданием неизвестно чего. Рота, которой он тогда командовал, находилась в резерве и располагалась неподалеку от огневых позиций в жидкой лесополосе. За редкими деревьями удручающе чернели бесплодные незасеянные поля, изъезженные вдоль и поперек тяжелой

военной техникой. С самого утра моросил неприятный дождь, размывая проселочные дороги и выкопанные кое-как на скорую руку траншеи. Он, как обычно, обошел посты, и сделал ревизию продуктовых запасов, прикидывая, сколько еще можно будет протянуть без подкрепления, которого не было уже почти неделю. Похоже, о них забыли. По его расчетам, еды хватало только на утро, но если еще немного урезать, то какие-то крохи оставались и на обед. Но чем дальше кормить целую роту, он не знал. Ему каждый день приходилось уменьшать паек, и среди новобранцев начинало расти недовольство. Необходимо было что-то срочно решать. Они уже довольно долго проторчали без дела в этой дыре, но ни обещанной ротации, ни подкрепления, по всей видимости, в ближайшее время им было не дожидаться.

Прислушиваясь к перекастистому грохоту орудий, он попытался определить, в какой стороне стреляют. Ночью орудийный огонь озарял горизонт на востоке, ближе к утру залпы начали доноситься с северо-запада, затем стало громыхать уже и с южного края. На западе, за небольшим леском, там, где чернели поля, третий день было тихо. Что-то ему подсказывало, что в той стороне должно быть село. Карта подтверждала его предположения. Он решил разведать эту местность, взяв с собой пятерых человек.

Двинулись ближе к ночи, шли быстрым шагом, спешили скорее преодолеть открытую, безлюдную равнину с плешинами заброшенных полей. На горизонте зеленел подлесок. Сразу за ним, в неглубокой балке, как обугленная головня, чернела деревня. То тут, то там рваными ранами зияли воронки, с еще рыхлой, не успевшей слежаться землей вокруг. То, что он увидел, было страшно. Несколько обгоревших домов на окраине села стояли без окон, дверей и крыш. Не укладывалось в голове, как такое можно было допустить, чтобы палить напрямик по селу. «Обстреливали явно с наших позиций», – прикинул он. О таком развороте событий как-то не думалось раньше. До сих пор его мозг не хотел принимать очевидного: эта война, такая же, как и любые другие войны, выбирает себе в жертвы тех, кто меньше всего в чем-либо повинен. Беспомощное время, без права выбора!

Вокруг стояла мертвая тишина, будто все, что еще дышало, притаилось, боясь хоть как-то проявить себя. Даже лая собак нигде не было слышно. В окнах немногих уцелевших домов не горел свет. По селу шли тихо, вглядываясь во дворы и дома, где еще, возможно, оставались люди. Заранее условились вести себя мирно, безо всякого насилия и мародерства. Задачей было разведать обстановку и договориться с местными насчет продуктов. Пропустив вперед своих бойцов, он остался позади, решив немного осмотреться вокруг. Свернув в переулок, прошел несколько метров, растеряно оглядываясь по сторонам. В воздухе еще стояла едкая гарь, перебивая запах отцветающей сирени. Здесь в радиусе ста метров не уцелело ни одного дома. Кое-где среди груд кирпича и обломков шифера торчали, как гнилые зубы, остатки стен или обнажившиеся почерневшие бревна. Видно, палили сплошную.

Он стоял посреди руин, как будто его пригвоздили к этому месту, и не мог отделаться от чувства, что это все разрушено не случайно, не по какой-то нелепой ошибке. «Нет, здесь им точно не будут рады, – мелькнула мысль, – нужно остановить ребят, пока не случилась беда». Хотел было идти уже назад, но раздавшийся треск сухих веток заставил его насторожиться. Он прижался к дереву, взвел курок пистолета и замер в ожидании. Из ближних кустов появилась козлиная голова, животное жалобно заблеяло и снова метнулось в кусты. Не успел он перевести дыхание, как совсем рядом, за углом, раздался женский крик, а следом – прервавший его выстрел. Он побежал в ту сторону, откуда стреляли. Посреди одного из дворов, сжимая в руках вилы, лежала женщина. Захлебываясь кровью, она еще пыталась что-то сказать, но слова, вырвавшись из горла глухим хрипом, так и повисли в воздухе. На пороге летней кухни, вжавшись в косяк открытой двери, стоял один из его ребят – Карась. «Она сама на меня бросилась с вилами, – лепетал тот, – я даже взять ничего не успел».

С минуту они в упор смотрели друг на друга, и он, Крон, чувствовал, как в нем закипает ярость. В немигающих, почти лишенных ресниц глазах Карася, чувствовался страх. Эти глаза,

кроткие и совсем не злые, смотрели на него в напряженном ожидании. А он не знал, что сказать и как поступить в этом случае. Жестом он повелел Карасю положить оружие на землю, но тот, видать, испугавшись еще больше, отступил назад, медленно направляя в него черное дуло автомата. Щелкнул взведенный курок. В голове вдруг стало пусто. Он тоже вскинул пистолет, который все это время находился у него в руке. Палец на курке напрягся, и в этот момент почти одновременно прогремели выстрелы. Последнее, что запечатлелось в его голове, это оседающее тело в темном проеме двери. И все. Пленка обрывалась.

Крон силился восстановить картинку, но ничего не выходило. Оставив тщетную попытку еще что-то вспомнить, он откинулся на мягкую спинку кресла и постарался уснуть. Самолет слегка покачивало на воздушных ямах, но он не обращал на это внимания. Совсем скоро уже будет другая страна и другая жизнь, и это его успокаивало.

Очнулся Крон ото сна, который, как показалось ему, он уже видел, и совсем недавно. Он стоит – снилось ему – у подножья обрывистой рыжей скалы, на нем свободная черная одежда, наподобие монашеской рясы. Где-то высоко над головой раздается глухой звон колокола. Он поднимает голову и видит каменную башню с узкими арками колокольни. Ее конусная крыша с грубым крестом вровень с облаками. Через арки насквозь проходит яркий солнечный свет, он слепит глаза. Лучи постепенно рассеиваются, и в одной из арок появляется белая человеческая фигура. Лица он не видит, но человек в белом протягивает к нему руки. Он тоже тянет свои руки и пытается взобраться наверх по покрытому ржавчиной обрывистому склону. Но едва его ноги касаются камней, те тотчас рассыпаются и превращаются в песок. Человек продолжает звать, но он, вновь и вновь повторяя попытки, не может осилить подточенную временем каменную твердь.

Да – вспомнил Крон – он видел такой же сон, точно такой же, в заброшенном доме, в котором прятался несколько дней после случившегося. Чувство реальности вернулось к нему тогда не сразу. Пришел в себя далеко за селом, в глинистом овраге, пахнущем сыростью и прелой травой. Помнил лишь смутно, как бежал, не разбирая дороги, через лес, спотыкаясь о коряги и цепляясь за ветки, и как несколько раз падал, растягиваясь на земле. Упав, так и хотелось остаться лежать, не шевелиться, застыть, но какой-то животный страх гнал его вперед, неизвестно куда, не известно зачем. В голове стучала только одна мысль, вытеснив все остальные: нужно бежать, исчезнуть! И он бежал, не позволяя себе перейти на шаг или оглянуться.

Внезапно лес закончился, и перед ним раскрылось темное, пугающее своей пустотой, пространство. Земля под ногами вдруг ушла вниз, и он кубарем скатился в глубокий овраг. Несколько минут лежал, не шевелясь, но едва попытался подняться, как резкая боль в плече снова приковала его к земле. Сразу стгоряча не понял, что был ранен. Левая рука не двигалась, он ощущал липкий, пропитанный кровью рукав и от боли заскрежетал зубами. Все-таки пуля задела его. Кое-как выкарабкался на противоположный склон, цепляясь здоровой рукой за кусты. Тем временем на небе чуть забрезжило. Впереди сквозь предрассветную дымку начали вырисовываться смутные очертания каких-то строений. То был небольшой дачный поселок со старенькими простенькими домиками. Обветшавшие дачи выглядели мрачноватыми и крайне запущенными. Участки всплошную поросли кустарниками и высокой травой. Ему мерещилось, что кто-то смотрит на него из подслеповатых окон или густых зарослей, но вокруг было тихо и пусто. Он выбрал один из домов с прогнившей крышей и просевшими стенами, в котором, как казалось ему, уже давно никто не появлялся. Тихонько надавил на хлипкую дверь, она легко поддалась, заскрипев и застонав ржавыми петлями. Внутри все выглядело таким же дряхлым и заброшенным, как и сам дом. Затянутое паутиной окно с нелепой пыльной занавеской, облупленные, почерневшие от плесени стены, старая полуразвалившаяся мебель и горы всякого хлама. Он прошелся по маленькой комнате. Видно в углу стояла кровать, от нее осталось только темное длинное прямоугольное пятно плотной слежавшейся пыли. Тут же, рядом на полу, валялся грязный разодранный матрас. Ему, Крону, до педантичности любившему

чистоту, стало немного не по себе. Небрежно отодвинув ногой все лишнее, освободил для себя место и устало опустился на матрас. Осторожно высвободил раненную руку из липкого, пропитанного кровью рукава. За это время кровь остановилась и успела местами подсохнуть. Немного выше локтя он обнаружил два рваных маленьких отверстия – видно пуля прошла навывлет. Чтобы убедиться в этом, он, покрываясь испариной от жгучей боли, прощупал сантиметр за сантиметром отекавшее место. Так и было: пуля лишь пробила мягкие ткани, не задев кости. Хоть что-то успокаивало. Однако боль не утихала, нужно было что-то с этим делать, но у него больше не было ни сил, ни желания двигаться. Безумно хотелось пить. Но он продолжал сидеть, уставившись в одну точку, ожидая, когда боль хоть чуть-чуть утихнет. Сколько времени просидел в таком состоянии, трудно было сказать. Но навалившаяся усталость все-таки взяла свое. Ему вокруг стало все безразлично, и до чрезвычайности захотелось спать. Он словно провалился в сон, липкий, тревожный и такой реальный...

Слегка покачиваясь, самолет шел на посадку, сквозь быстро редющие облака виднелась синяя рябь моря. Въедливый шум турбин нарастал до боли в ушах. Пошевелив занемевшими от неудобного сна плечами, Крон ощутил тупую боль в руке. Рана еще давала о себе знать. Он чувствовал себя опустошенным и обессиленным, как выжатый досуха лимон. Голова немного кружилась, но все же было хорошо осознавать, что впереди его ждет совсем другая жизнь. Неизвестная, но другая. Теперь уж скоро. Крон приник лбом к стеклу иллюминатора, и стал смотреть вниз. Самолет приближался к земле, и вот уже впереди показалось залитое солнцем побережье с подступающими к морю зелеными холмами, серыми галечными пляжами, утопающими в зелени красными крышами домов и отражающими ослепительный свет небоскребами. Яркий незнакомый город играл на солнце, как чешуя громадной, выброшенной на берег рыбыны.

Еще минута – толчок, и колеса коснулись посадочной полосы почти у самой кромки воды. Вот она, наконец, чужбина, то место, где можно думать и чувствовать по-другому. Крон не отрывал глаз от иллюминатора. Самолет катился по посадочной полосе, снижая скорость, потом свернул и совсем медленно подъехал к зданию аэропорта.

Со всех вещей у него была только одна дорожная сумка. Крон забрал свой скромный багаж и вышел из зала аэропорта. Стояла жара. Воздух был горячим, влажным и солоноватым. Приятно пахло зеленью и морем. Он не торопился, шагал медленно, закуривая на ходу и наслаждаясь полной свободой. Повсюду между катящихся чемоданов и навьюченных рюкзаками и сумками приезжих сновали таксисты, громко предлагая свои услуги и эмоционально выясняя отношения между собой.

Крон нырнул в первое подвернувшееся такси, попросив таксиста отвезти его в какой-нибудь недорогой отель, и машина покатила по узким улочкам города. По обе стороны дороги тянулись серые каменные стены, как на старинных гравюрах, мелькали небольшие дома с беседками из виноградных лоз, усыпанные дивными нежно-сиреневыми цветками кустарники. Крон смотрел по сторонам, и ему все казалось красивым и немного неправдоподобным. Так много зеленого цвета, цвета покоя и вечности. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что возврата нет, и что теперь здесь его место, среди этих милых чужих пейзажей, напоминавших живописные открытки из его детства. Все вокруг дышало спокойствием и радушием. В этом маленьком уютном крае, возможно, ему посчастливится потеряться и все забыть.

Ему не хотелось больше ни о чем думать, он смотрел в окно, сравнивая увиденное с сохранившимися в памяти картинками из открыток его детства. Эти узкие улочки с разноцветными яркими фасадами старых домов, маленькими пекарнями и кондитерскими, винными погребками, кофейнями и закусочными, лавками кустарей-ремесленников – здесь будто бы все засело еще в прошлом веке. У Крона вдруг появилось странное ощущение, что он уже когда-то бродил по изгибам этих улиц в какой-то другой жизни. И всего того, что он видел сейчас вокруг себя, не было на открытках, да и вообще никаких открыток не существовало. Была

какая-то другая жизнь, и он уже когда-то умирал, а потом снова появился. Его мозг ничего не помнил и не мог помнить, но это была какая-то совершенно другая память. Ему почему-то казались знакомыми и эти прохладной голубизны дома с аркадами, здания с химерами и мифическими существами разных мастей, стройные колокольни и благородные арки каменных церквей, которые в действительности никогда не имели к нему никакого отношения.

Но вот такси вынырнуло из лабиринта старых улочек, пропахших кофе и свежей выпечкой, и перед глазами Крона открылся совершенно другой город с небоскребами и причудливыми роскошными зданиями. Они выпячивались среди разноцветных обветшавших домиков с решетчатыми балконами, словно старались перещеголять друг дружку своей замысловатостью. Это выглядело немного нелепо, так же нелепо, как и его теперешнее положение.

Будучи по натуре идеалистом, он всегда стремился приноровить свою жизнь к своим представлениям о ней. Все что выходило за рамки того, «как должно быть», казалось ему ненормальным и бессмысленным. В свои сорок лет Крон жил бобылем, поскольку ни одна из женщин, которых он когда-либо знал, не подходила под его представления об идеальной спутнице. Он относился к тем натурам, которые, любясь чудесно цветущим растением, будут глубоко разочарованы, когда со временем не обнаружат на нем таких же чудесных плодов. Если он и влюблялся, то влюблялся в созданный им самим же образ совершенной женщины, а потом долго и мучительно переболевал разочарованием. Разочарований в его жизни было гораздо больше, чем того, что вызывало в нем удовлетворение. Все что случилось с ним теперь, начисто разрушило всю его реальность. В его сознании наступил обвал. Он всю жизнь старался жить правильно, не нарушая установленных им же самим правил, но вдруг попал в совершенно другую, грубую действительность, где его идеалистические законы не работали. И теперь все его прежние идеалы были, как ему казалось, одной большой ошибкой. Он старался больше об этом не думать, но мысли сами лезли в голову, едкие, надоедливые. Крон пребывал в полном замешательстве. Впервые в жизни он поступил против своих же правил «как должно быть», и все вокруг в его новой реальности выходило за эти рамки. Выпрямившись на сиденье, он старался больше ни о чем не думать. Картинки за окном его больше не занимали. Он чувствовал себя измотанным и до смерти уставшим.

Такси проехало мимо огромных шикарных отелей с просторными террасами, барами и ресторанами и, наконец, подкатило к небольшому двухэтажному домику с белым фасадом и двумя низкорослыми пальмами у входа. Внутренний дворик, густо засаженный тропическими растениями и экзотическими цветами, выглядел довольно ухоженным. Крон расплатился с таксистом и направился к дому. Прямо у входа его встретил крепкий мужчина лет пятидесяти с широкой улыбкой радушного хозяина. Он провел гостя на второй этаж и показал ему небольшой номер с одним узким окном и совсем тесной душевой. Обстановка была самой простой: столик, кровать, прозрачная занавеска. Да, раньше ему приходилось останавливаться в более комфортных отелях, но в теперешнем своем положении он не мог себе позволить никаких излишеств. Этот, по крайней мере, был чистым и, что важно, недорогим.

Бросив в угол сумку, Крон растянулся на широкой удобной кровати и почувствовал, как приятно заныло его расслабленное тело. Снова вспомнился заброшенный дом со сбившимся грязным матрасом на полу. На тот момент он был рад и такому ложу. Как все относительно, подумалось ему. Он не знал, сколько времени проспал тогда, изнуренный и обессиленный, свернувшись, как пес, калачиком на неудобном матрасе. Проснулся от сильной жажды, невыносимо хотелось пить. Провел еле шевелившимся языком по потрескавшимся губам, ощущая их неприятную сухость. Приподнялся, сел, опершись спиной о стену, еще слабо соображая, где находится. В голове шумело, как в водосточной трубе, и адски болела рука. На матрасе темнело пятно крови – рана все еще сочилась. С трудом преодолевая боль в руке, поднялся на ноги. Через мутное оконце едва пробивался дневной свет, слабо освещая заваленную всяким старьем комнату. Брезгливо поворотив ногой кучи хлама, он не обнаружил ничего для

себя полезного. Только в уголке выдвижного ящика старого, завалившегося на одну сторону, шкафа валялся полупустой пузырек йода. Осторожно вытряхнув на рану остатки жидкости, и обмотав руку большим лоскутом со своей рубашки, он, пошатываясь, вышел на улицу. Чувство реальности с трудом возвращалось к нему. Скорее всего, в тот момент он движим был только инстинктом самосохранения. В голове не было совершенно никаких мыслей. Он бродил среди дачных домиков в поисках еды и питья. В одном из вагончиков, переделанных под домик, он нашел три мужские рубашки, старые, но вполне пригодные, и джинсы, почти своего размера. Там же он нашел несколько женских вещей, мягкая ткань которых могла бы послужить перевязочным материалом. Его следующая находка была просто спасением. Позади одного из участков виднелась протоптанная дорожка, ведущая в заросли камыша. Вода! Там должна быть вода! Он почти побежал туда, спотыкаясь и путаясь непослушными ногами в длинной траве. Снял с ног тяжелые берцы, чтобы не застрять в них в болотце, положил их на сухое место вместе с вещами и полез в камыши. Родник бил прямо из-под земли, образуя небольшое озерцо с чистой и прозрачной водой, заросшее по краям густой осокой. У его кромки был сделан помост – видно источником пользовались и в свое время ухаживали за ним. Он лег на помост животом и жадно припал ртом к воде. Он пил и не мог напиться. Набирал воду в рот и долго держал ее там, чтобы почувствовать этот необыкновенный вкус, вкус жизни. Только благодаря этому роднику, он тогда и выжил.

И теперь лежа на пахнувших свежестью простынях, вдали от безумия всего происходящего, он испытывал блаженное чувство спасения, наподобие того, что он испытал там, у родника, жадно припадая губами к живительной влаге. Он почти уже успокоился и погрузился в приятную расслабленность. Почти... Одна назойливая, до крайности неприятная мысль, которая возникла время от времени, и от которой бросало в жар, снова мелькнула в его голове, как короткая вспышка. Он, Крон, убил человека! Вспомнились испуганные глаза мальчишки, который за свою короткую жизнь не успел понять, что есть добро, а что – зло. Вспомнив это, Крон снова почувствовал ужас и отчаяние. Он не хотел этого. Он не хотел никого убивать. Наверное, и тот парень тоже не хотел убивать женщину. Какое-то роковое стечение обстоятельств. Какое-то умопомрачение. Зло было вокруг него и в нем самом.

Пытаясь сбежать от этих мыслей и воспоминаний, Крон резко поднялся с постели и, отодвинув занавеску, открыл настежь окно. С улицы повеяло теплой сыростью, смешанной с запахом цветов и мокрой пыли. Пока он предавался своим мыслям, прошел небольшой дождь. Душная влага липла к коже как мокрая тряпка, обволакивая все тело. Крон достал из сумки туалетные принадлежности и пошел в душ. Он открыл кран и посмотрел на себя в зеркало. То, что он там увидел, ему не понравилось. Выглядел он совсем неважно: его и без того продолговатое лицо осунулось и вытянулось, тонкие черты заострились, а в темных густых волосах заметно прибавилось седины. Серые, ставшие почти бесцветными глаза смотрели устало и напряженно, утратив живой блеск. Крон внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. Сквозь бледную загорелую кожу проступали темные круги под глазами. Угрюмые складки у рта стали резче. Краснели неглубокие, но длинные, с запекшейся кровью царапины на щеке и шее. Теперь ему стало понятно, почему на паспортном контроле в аэропорту таможенник так долго мерил его подозрительным взглядом, будто намеренно затягивая время. В какой-то момент ему даже показалось, что двое пограничников с автоматами, вынырнувшие неизвестно откуда, направляются в его сторону. Но они прошли мимо. Все, достаточно мучить себя воспоминаниями! Крон разделся и встал под прохладный душ, вода приятной свежестью заструилась по его коже.

В номере оставаться ему не хотелось, и он решил немного прогуляться по городу, а заодно и где-то пообедать. Узкие улочки, заполненные людьми и автомобилями, изнывали под ярким солнцем, и даже недавний дождь нисколько не вдохнул в них свежести. Крон бродил безо всякой цели, переходя с одной улицы на другую, заглядывал в открытые двери магазинов, пекарен

и мастерских. Он останавливался перед большими роскошными отелями, читал их названия, рассматривал припаркованные возле них машины. Наконец очутился на бульваре, тянувшемся зеленой полосой вдоль набережной. Устав от полуденной жары, Крон вошел в глубину тенистого парка, где стоял густой запах магнолий, перемешанный с солоноватым дыханием моря и ароматом черного кофе. Он походил по пальмовым и магнолиевым аллеям, постоял возле раскидывающих сверкающие струйки воды фонтанов. Очарование, которое он уже испытал с самого начала своего приезда, вернулось к нему. Очень хорошо, что он здесь, на Кавказе, думал Крон, среди этих диковинных и завораживающих джунглей. Если бы не это, он замучил бы себя мыслями и впал бы в отчаянье. Этот маленький уютный край был для него избавлением от прошлого. Он чувствовал, что сможет его полюбить, а что как не любовь может быть спасением для человека, потерявшего всякие ориентиры в жизни.

До вечера Крон слонялся по парку, пребывая в приятной усталости и больше не угнетая себя никакими плохими мыслями. Так он оказался перед отелем, выходящим фасадом на бульвар. У входа стоял охранник в белой рубашке, его массивная фигура с большой, крепко посаженной головой показалась Крону очень знакомой. Он подошел поближе, и когда тот повернулся к нему всем корпусом, Крон неожиданно узнал в охраннике своего старого приятеля. Увидев его, охранник шагнул вперед. Они удивленно уставились друг на друга.

– Никитин? Пашка? – еще не веря своим глазам, обрадовался Крон.

– Крон? Андрюха, ты что ли? – охранник раскрыл объятия, и они крепко обнялись. – Вот так встреча! Ты здесь, в нашем отеле остановился?

– Нет, в другом месте. Сюда случайно забрел.

– Так просто я тебя сегодня не отпущу. Через полчаса у меня заканчивается смена, посидим, выпьем, поговорим. Ты не возражаешь?

– Нет. Тем более я собирался где-то перекусить.

– Вот и хорошо. Пойдем, ты сегодня мой гость.

Они зашли в зал ресторана с овальной террасой, выходящей на приморский бульвар. Метрдотель поздоровался с Никитиным, назвав его по имени, и проводил их к столику. Никитин что-то сказал ему на грузинском языке и потом заговорил с Кроном.

– Официант принесет все, что нужно. Я угощаю. Ты немного здесь поскучай, я сейчас только сдам смену и вернусь.

Он ушел, а Крон стал осматриваться по сторонам. Витиеватая роскошь зала, напоминавшая убранство эпохи романтизма, несколько смущала его. Величественные колонны с вензелями, расписные потолки и стены, шикарные люстры, заполняющие пространство ярким светом – все это никак не гармонировало с его теперешним состоянием и немного корбило его. Множество наполовину занятых столиков с чистенькими белыми скатертями наполняло зал. Ему вдруг стало неуютно среди сидевших вокруг довольных, принаряженных людей со сдержанно веселыми лицами. На миг он почувствовал что-то вроде раздражения, но его внимание привлекла вошедшая пара. Смуглый тип лет пятидесяти, крепко сложенный, в светлом летнем костюме, по-видимому, турок. Рядом с ним шла хрупкая светловолосая женщина славянской внешности. Улыбаясь своей спутнице, турок демонстрировал из-под аккуратно подстриженных черных усов ослепительно белые зубы. Женщина была несколько скованной, с бледным в ярком свете ламп лицом и невероятно синими печальными глазами. Они прошли мимо и заняли соседний столик напротив. Крон украдкой продолжал наблюдать за этой парой. Мужчина что-то говорил своей спутнице, сверкая острым взглядом черных глаз. Она сдержанно кивала ему в ответ, и ее волнистые, шафранового цвета волосы нежно обвивали хрупкие плечи. На серьезном лице незнакомки ни разу не проскользнуло даже подобия улыбки, что-то в нем было трагическим. Кто она, думал Крон.

Официант принес заказанные блюда и бутылку хорошего коньяка. Через пару минут появился Никитин. Проходя мимо столика, где сидели турок с русской, он слегка кивнул жен-

щине, она ответила на его приветствие лишь мимолетным взглядом, но Крон заметил, как потеплело ее лицо. Они были знакомы, и, как показалось Крону, между ними существовала какая-то тайная связь.

– Кто эта женщина? Ты ее знаешь? – спросил он без обиняков у Никитина.

– Ирма? Наша с тобой землячка, – ответил Никитин, ничуть не удивляясь вопросу приятеля.

– А этот турок кто ей? – не удовлетворив свое любопытство, снова спросил Крон.

– Скажем так... партнер по бизнесу. – Ушел мягко от ответа Никитин.

– Понятно, – Крон еще раз посмотрел на пару за соседним столиком. Словно почувствовав, что о ней говорят, женщина мельком взглянула в их сторону, и Крон поймал настороженный взгляд ее синих умных глаз.

– Ничего тебе не понятно, – сказал Никитин, наливая в рюмки коньяк, – каждый живет своей трудной жизнью. Дом Ирмы разбомбили, муж погиб во время обстрела, осталась с двумя малолетними детьми. Я помог ей уехать из страны и кое-как здесь устроиться.

Крон вздрогнул, будто в него кольнули чем-то острым. Он почувствовал себя, хоть и косвенно, причастным к трагедии этой женщины. Неужели и здесь ему не дадут забыть об этом. Он так надеялся отделаться от своего прошлого, оградить себя от всяких воспоминаний.

В зале становилось многолюдно. За столиками громко разговаривали и смеялись, суетились официанты с подносами. Никитин подсел ближе к Крону, пододвигая рюмки с коньяком.

– Ну, давай выпьем за встречу, – сказал весело Никитин. – И ты расскажешь, как и почему здесь оказался.

Крон на минуту заколебался: стоит ли рассказывать Никитину всю правду? Пашку он знал еще с тех времен, когда они были курсантами, знал как надежного товарища и человека, которому можно было доверять. Они даже дружили одно время, пока жизнь не разбросала их в разные стороны. Никитин, в отличие от него, Крона, был всегда открытым и прямолинейным, с легкостью мог поставить на место любого человека, невзирая на звания и чины. Немного грубоватый, с обостренным чувством справедливости, но в то же время большой добряк и балагур. Крон колебался – все-таки столько лет не виделись. Мало ли как время меняет людей. Никитин, словно почувствовав его колебания, мягко похлопал Крона по плечу.

– Да ладно, давай рассказывай, что натворил. Не чужие ведь...

Наконец Крон решился. Он поднес ко рту полную рюмку – коньяк приятно обжег горло, и стало как-то тепло изнутри. Не то чтобы тепло, просто – легко. Пашка умел расположить к себе любого, и выходило это у него всегда как-то естественно. Может потому к нему и тянулись, что чувствовалась в нем бесхитрость. Он был одним из немногих, кто мог пробраться в его, Кронову, скрытную душу. Наверное, по этой причине и возникла у них тогда дружба. Крон начал свой рассказ, вновь воскрешая болезненные для себя подробности. Вначале он говорил сбивчиво, сильно волнуясь, затем немного успокоился, глядя на ставшее серьезным лицо товарища. Никитин слушал его внимательно, не перебивая и озадаченно морща лоб.

– ...просидел я на тех заброшенных дачах почти двое суток, – рассказывал Крон, – многое передумал в тишине за то время. К вечеру следующего дня услышал странный, едва уловимый, скрип. По дороге на велосипеде ехала женщина. Она и стала моим ангелом-спасителем. Увидел, как она свернула к одному из участков. Долго не решался выползти из своей берлоги, но деваться-то было некуда – пошел к ней. Тетка Женя оказалась чуткой и отзывчивой женщиной, да и в душу не лезла, особо не расспрашивала. Говорила только, что с прошлого года на даче не была, а тут как будто ее кто-то надоумил съездить. Дачи-то те давно под снос планировались. Вот она и решила посмотреть, осталось ли от них хоть что-то живое. Очень сильно она мне тогда помогла. Даже как-то не верилось, что такие люди еще встречаются. С ее телефона позвонил отцу. Он приехал через два дня. Привез вещи, деньги и документы.

– И как Сергей Алексеевич это все воспринял? – Поинтересовался Никитин. Он хорошо знал Крона старшего, бывшего кадрового офицера, который после трагической смерти своего сослуживца – отца Никитина – долгое время помогал его семье.

– Да ты ведь знаешь, какой он сложный человек. Тяжело было все это ему рассказывать, намного тяжелее, чем тебе. По головке, конечно, не погладил, но и не отговаривал меня от решения уехать из страны.

– А почему именно сюда?

– Да все равно было куда, лишь бы убраться подальше. Как говорится, ткнул пальцем в небо. Уже в аэропорту посмотрел, куда ближайший рейс. Туда и полетел.

Они долго сидели с опущенными головами, не глядя друг другу в глаза, и молчали. В зале заиграла живая музыка, и вся присутствующая публика как-то разом оживилась. Крон увидел, как турок уводил свою спутницу в центр зала, где уже кружились пары. Он обхватил своими волосатыми ручищами ее тонкую талию и повел в танце. Крон поморщился. Что-то острое шевельнулось где-то глубоко внутри него.

– ... вот так я и стал дезертиром, – мрачно заключил Крон после долгого молчания.

– Поздравляю! Я раньше тебя им стал. Выпьем за дезертиров! – Никитин вдруг оживился и стал прежним, неунывающим и ироничным, Никитиным. Он взял налитую рюмку и откинулся на спинку стула. – Я так понимаю, мне сейчас нужно сказать что-то пафосное, чтобы ты перестал походить на школьника, сбежавшего с уроков и мучающегося совестью? Прости. Сочувствовать не стану. Ты знал, куда и зачем шел. Но помочь, чем смогу, помогу. В этом ты можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, хоть честно. – Крон впервые за весь вечер улыбнулся. Он узнавал того же прямолинейного, не умеющего кривить душой Пашку, которого знал много лет назад. Да, подумал он, Пашка как всегда скуповат на любезности, но от его грубоватой правды почему-то становилось легче.

– Что тебя теперь напрягает? И на солнце есть темные пятна. Расслабься и живи дальше...

– То, что это все как-то не правильно. Я чувствую себя каким-то предателем.

– Узнаю заскорузлого идеалиста! Кого, собственно, ты предал? Родину? Не смей меня, пожалуйста! Родина – это тетя Женя, помогшая тебе выжить. Это тот родник, что спас тебя от жажды. Изменить преступной системе – это не предательство! Система – это не родина. А вот защищать интересы этой преступной системы – это, да, уже предательство!

– Но я офицер... я обязан быть патриотом...

– Я разочарую тебя, коль уже разговор зашел об этом, – Никитин широко улыбнулся, – называть себя патриотом в наше время, по крайней мере, неприлично! Нынешний патриот – это злосчастная смесь глупых амбиций и болезненной ненависти. Нам кажется, что мы патриоты, когда говорим: мы великая нация! Гордиться тем, что ты украинец, поляк, армянин, азербайджанец или вообще индеец из племени дырявые носы так же абсурдно, как гордиться тем, что ты родился в пятницу, а не в четверг. Не патриоты просто любят свою родину, патриоты – претендуют на ее исключительность. Разницу чувствуешь? Любовь к родине – чувство, патриотизм – убежденность.

– Возможно, ты и прав.

– Хочешь любить родину – люби ее молча. Вот скажи, зачем нам всякий раз из-под палки прививают эту любовь? Или нашего духовного тяготения к ней не достаточно? Недостаточно для того, чтобы мы могли идейно ради этой самой родины убивать всякого не нашего? Или, может, такой гипертрофированной любовью к родине хотят подменить что-то более важное для человека? Какую-то другую любовь, которая должна быть выше и сильнее, чем любовь к отечеству? Ты об этом не задумывался?

– Нет, – честно признался Крон. И все-таки, как показалось ему, в Пашке что-то изменилось, вернее что-то добавилось к его, и без того многосторонней, натуре. – А с тобой что случилось? Ты никогда не был таким спинозой, как теперь.

– Жизнь со всех нас делает либо платонов, либо филонов, либо циников. Раньше меня всегда тянуло примкнуть к какой-нибудь кучке, чья правда мне казалась ближе. Теперь я просто хочу принадлежать самому себе, безо всяких «желтых», «зеленых», «белых» или «красных». Знаешь, когда мы покидаем свою страну, мы перестаем быть патриотами, патриотизм испаряется, остается только тоска по дому. Вот в этом-то и вся правда. А сейчас давай просто пить этот чудесный коньяк и наслаждаться всем, что у нас есть сегодня.

Краем глаза Крон заметил, что турок со своей спутницей собрались уходить. За все время разговора с Никитиным он ни разу не посмотрел в сторону этой женщины, но постоянно ощущал ее присутствие. И теперь, когда она вот-вот должна была исчезнуть, Крон погрузился, словно ее уход что-то значил для него. Он не знал с чем сравнить это чувство, но ему почему-то вдруг захотелось снова увидеть ее глаза. Она как будто бы почувствовала его желание и, проходя мимо Крона, скользнула по нему взглядом. Какое ему дело до этой женщины, разозлился на себя Крон, но весь оставшийся вечер она не выходила у него из головы.

Расстались они с Никитиным около полуночи. Возвратившись в отель, Крон кое-как стянул с себя одежду и повалился на кровать в надежде быстро уснуть, но что-то ему не давало забыться крепким сном. Может ночная духота, может приторный запах цветов, доносившийся с улицы, может недавний разговор с Никитиным. Он несколько раз вставал, подходил к окну, курил одну за другой сигарету, ходил по комнате и снова ложился в постель, но так и не смог сомкнуть глаз. Крон испытывал какое-то душевное волнение и не знал, чем оно вызвано. Он еле дождался рассвета и решил пойти искупаться в море, ему казалось, что это его успокоит.

Лето только началось, и берег еще пустовал, лишь кое-где у самой воды на серых камнях белели подставленные солнцу тела. Раскинувшаяся до самого горизонта темно-синяя гладь морщилась под легким бризом, играя на солнце янтарными бликами. Влажный ветер приносил с моря смолистый запах водорослей. Почти с чувственным наслаждением Крон вдыхал этот запах, подставляя лицо ветру и щурясь от его щекочущего прикосновения. Ловко переступая с камня на камень, он добрался до кромки воды. Спокойное море лениво, словно нехотя, шевелило мокрую гальку, тихо подкатывая волны к его ногам. Вода еще не прогрелась, но Крона это не останавливало. Он быстро разделся и, не раздумывая, бросился в море. Преодолевая сильный озноб, он поплыл и плавал до тех пор, пока его тело не перестало ощущать холод. Когда Крон, наконец, выбрался на берег, в нескольких шагах от себя он увидел женщину в легком, едва доходившим до колен, цветастом сарафане и широкополой шляпе, скрывавшей часть ее лица. Она стояла у самой воды и пристально смотрела вдаль, куда-то за линию горизонта, словно хотела увидеть в сливающейся синеве противоположный берег. Шорох гальки под ногами Крона заставил ее повернуть голову. Это была Ирма. Она тоже узнала его. В ее глазах, ставших прозрачно-синими как морская гладь, скользнула уже знакомая Крону настороженность. Но увидев его улыбку, она улыбнулась ему в ответ и, неторопливо отвернув голову, снова стала всматриваться в горизонт. При солнечном свете ее лицо уже не казалось холодным и отстраненным, оно было одухотворено той благородной грустью, которая может быть присуща только глубоким утонченным натурам.

– Вы с такой пристальностью смотрите в море, что я совсем не удивлюсь, если сейчас на горизонте появятся алые паруса, – шутливо сказал Крон, желая снова привлечь ее внимание.

– Нет, не появятся, – ответила она спокойно, не поворачивая головы, – просто где-то там за горизонтом моя родина. Может, конечно, она вовсе в другой стороне, но мне так проще думать. Знаете, здесь так мало что напоминает о доме. Только вот горизонт и еще небо. Особенно небо. Оно такое же, как дома. Не знаю почему, но когда в него смотришь, чувствуешь

то огромное расстояние, которое отделяет тебя от дома. И от этого испытываешь нестерпимую тоску. А с вами такого не бывает?

– Я еще пока об этом не думал, но, скорее всего, и меня ожидает что-то подобное, – сказал Крон, усаживаясь на теплые камни, – воспоминания занимают слишком много места в нашей жизни, но даже самые приятные из них почему-то вызывают тоску. Нам свойственно тосковать о прошлом. Это единственное место, откуда нас уже не могут изгнать.

Ирма с любопытством взглянула на него, остановив взгляд на его мускулистой руке, где еще розовели две маленькие затянувшиеся ранки. Она хотела что-то сказать, но в этот момент сильным порывом ветра с ее головы сорвало шляпу. Волосы рассыпались по плечам, вспыхнув на солнце ярким шафраном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.